

Глава 18

Часом ранее.

Линь Хань отсидел в школе весь день, словно на иголках. Не обращая внимания на одноклассников, пытавшихся заговорить с ним, он схватил рюкзак и направился к выходу.

У ворот его уже ждала машина, которую Линь Цзинли специально выделил для его поездок в школу. Сев в машину и закрыв дверь, Линь Хань быстро скомандовал:

— Поехали домой.

Ему не терпелось увидеть малыша. Даже качаться с ним на качелях было лучше, чем сидеть на уроках.

Раньше, дома, он этого не осознавал, но стоило ему прийти в школу, как он понял, что дом и школа для него — два разных мира.

Голос учителя раздражал, шум в классе заставлял его скрежетать зубами и желать одного — выбежать вон. Но он вспоминал предупреждение Линь Цзинли: будешь плохо учиться — отправлю в закрытую школу, откуда домой отпускают раз в месяц.

Каждый раз, когда его терпение подходило к концу, он вспоминал эти слова. Так и прошёл этот день.

Вернувшись домой, Линь Хань ожидал увидеть ярко освещённый дом, но слуга сообщил ему, что все, кроме больной Чжао Шихань и вернувшегося из компании Линь Цзинли, уехали. В том числе и Фэйфэй, которого дедушка с бабушкой увезли в гости к семье Чу.

Линь Хань тут же сдулся. Он с разочарованием бросил рюкзак на диван, но потом, подумав, снова поднял его и пошёл наверх.

Лучше он сейчас сделает уроки, чтобы, когда Фэйфэй вернётся, ему не пришлось отвлекаться.

У Линь Ханя не было иллюзий, что он может не делать домашнее задание. У Линь Цзинли были номера телефонов всех его учителей и классного руководителя.

И эти номера были там не для красоты. Линь Цзинли, как образцовый отец, регулярно звонил учителям, чтобы узнать об успеваемости и поведении сына в школе.

Правда, Линь Хань подозревал, что его отец просто одержим контролем. По словам дяди, когда

тот учился в школе, отец поступал точно так же. Сейчас он просто повторял тот же сценарий.

Поднявшись наверх, Линь Хань подумал, что стоит поздороваться с Линь Цзинли. Поэтому, вместо того чтобы пойти в свою комнату, он направился к спальне родителей.

Комната Линь Цзинли и Чжао Шихань находилась в конце коридора. Подойдя, Линь Хань увидел, что дверь, на удивление, была не заперта, а приоткрыта.

Он уже собирался постучать, как вдруг услышал голос отца.

— Развод или санаторий. Выбирай сама, — голос Линь Цзинли был пугающе спокоен.

Рука, поднятая для стука, замерла в воздухе. Развод? Санаторий? Что это значит? Линь Хань, поддавшись необъяснимому порыву, опустил руку и остался стоять за дверью, прислушиваясь.

— Я не буду разводиться! Не буду! — в голосе Чжао Шихань звучали паника и растерянность, но, глядя на стоявшего перед ней мужа, она стиснула зубы и твёрдо повторила своё решение.

Линь Цзинли, не дрогнув, кивнул:

— Тогда я свяжусь с санаторием. Можешь ехать сегодня. Я не буду скрывать от Сяо Ханя правду о тебе. Если он захочет тебя навестить, он сможет сделать это в любое время.

Голос Чжао Шихань сорвался на истерику, её некогда прекрасное лицо исказилось в ужасной, нервной гримасе:

— Я никуда не поеду! Я не разведусь и не поеду в санаторий! Я ошиблась, я правда ошиблась! Я всё поняла за эти дни в комнате. Состояние Сяо Ханя совсем не такое серьёзное, как я думала. Я знаю, что была неправа. Я больше никогда не совершу глупостей, давай будем жить как раньше, хорошо? Пожалуйста!

В её голосе слышались умоляющие нотки.

— Я твоя жена, мать Сяо Ханя. Я люблю его, никто не любит его больше меня...

Линь Цзинли кивнул, соглашаясь с её словами. Он знал, что как мать, Чжао Шихань была безупречна в своей любви к сыну. Поэтому, даже заметив её странное поведение раньше, он всё же дал ей право выбора.

К сожалению, её окончательное решение пошло вразрез с его.

Люди должны платить за свои поступки. Чжао Шихань пыталась убить Линь Ханя, чтобы прекратить его переходный период, и она предприняла для этого конкретные действия.

Уже одного этого было достаточно, чтобы Линь Цзинли не мог больше позволить ей оставаться в доме.

Супруги, прожившие вместе столько лет... всё, что он мог сделать — это не передавать улики в Трибунал. Иначе Чжао Шихань была бы осуждена за умышленное убийство. Не за покушение, а именно за умышленное убийство.

Наказание за такое преступление было суровым: не быстрая смерть, а заключение в изолированной комнате без света и звука, со стенами, обитыми мягким материалом. В такой комнате, лишённый всех чувств, преступник оставался до самой смерти.

В смутные времена — суровые законы. Только так можно было удержать других от подобных поступков.

— Человек, который посадил Сяо Ханя на наркотики... его отец ведёт дела с твоей семьёй, с семьёй Чжао. Если бы я вовремя не вмешался, ты знаешь, что стало бы с Линь Ханем сейчас? Я не могу поверить, что даже ты поверила в этот слух, будто наркотики могут облегчить боль и принести счастье, — в голосе Линь Цзинли звучало неподдельное изумление.

Такой глупый слух, а Чжао Шихань в него поверила.

Чжао Шихань молчала.

Линь Цзинли продолжил:

— Потом я привёз Сяо Ханя домой. В тот день, когда вернулся Сыньюнь, ты сказала, что плохо себя чувствуешь, но специально принесла Сяо Ханю стакан молока. Я отдал то молоко на анализ. На стакане до сих пор твои отпечатки. Если я передам всё это в Трибунал... Поезжай в санаторий. Это всего лишь смена места жительства. Поговоришь с врачами, пройдёшь психотерапию. Сяо Хань останется твоим сыном, и когда он вырастет, если он захочет забрать тебя, я не буду против.

Закончив, Линь Цзинли, не задерживаясь, направился к выходу.

— Сяо Хань сейчас за дверью. Поговори с ним.

Линь Цзинли открыл дверь, и Линь Хань внезапно оказался лицом к лицу с матерью.

Несмотря на то, что всё, что она делала, было, по её мнению, ради него, в этот момент Чжао

Шихань не смела посмотреть ему в глаза.

Линь Цзинли прошёл мимо сына. Четырнадцатилетний подросток был уже почти с него ростом.

— Ты, должно быть, всё слышал. Поговори с матерью, она, наверное, давно тебя не видела.

Сказав это, Линь Цзинли скрылся за поворотом.

Он не был лишён чувств. Если бы он не любил её, то не женился бы на Чжао Шихань так рано и не завёл бы с ней ребёнка. Но на этот раз её поступок перешёл все границы.

Когда шаги отца стихли вдаль, Линь Хань, встретившись с виноватым и бегающим взглядом матери, не смог сдержать боль и недоверие и закричал.

...

Когда Линь Хань снова спустился вниз и предстал перед Линь Цзинли, его глаза были красными. Они стояли друг против друга, и никто не решался заговорить первым.

Наконец, Линь Хань нарушил молчание. Его голос был хриплым, как будто пилили дерево:

— Я — потерпевший, я не буду выдвигать обвинений. Ты не можешь передавать улики в Трибунал.

Реакция сына не удивила Линь Цзинли.

— Я вылил то молоко. Это была просто проверка, — ответил он.

Линь Хань с облегчением вздохнул. Но он не знал, что если бы Линь Цзинли захотел, улик у него было бы гораздо больше, чем один стакан молока.

После этого разговора снова наступила долгая тишина.

И снова первым заговорил Линь Цзинли.

— Я просто не могу смириться с тем, что она хотела тебя убить. Даже если это было во имя любви.

В этих словах было и утешение для Линь Ханя.

Линь Хань опустил голову и молчал. Ему было четырнадцать, через месяц исполнится пятнадцать. Он всё понимал. Он понимал, что главной причиной поступка Чжао Шихань было нежелание видеть его страдания. Но это не отменяло того факта, что он чувствовал себя брошенным, преданным.

Когда Линь Цзинли привёз его домой и пригрозил, что если он снова попытается навредить себе или притронется к наркотикам, то он привяжет его к кровати и наймёт людей, которые будут кормить и ухаживать за ним всю жизнь...

Даже если он будет жить как овощ, он должен жить.

Услышав эти слова, Линь Хань, как и Линь Сынянь до него, обозвал отца чокнутым маньяком-контролёром, но в глубине души почувствовал смутное облегчение.

Потому что с самого начала Линь Цзинли и не думал от него отказываться.

— Как же всё это достало! — вдруг закричал Линь Хань. — Почему вы не спросили меня, прежде чем рожать? Родили без моего согласия! Где ваша ответственность?

— Хм, — Линь Цзинли бросил на него косой взгляд и, холодно хмыкнув, закурил.

Видя, что отец курит, Линь Хань хрипло попросил:

— Дай одну.

Линь Цзинли вскинул бровь.

— Несовершеннолетним курить запрещено.

— Да мне плевать, я хочу курить! — его голос сорвался на визг.

Наконец, он больше не мог сдерживаться. Эмоции, кипевшие в нём, прорвались наружу. Он закрыл глаза рукой и всхлипнул:

— Когда дедушка с бабушкой вернутся? Я... я хочу к Фэйфэю!

В этот момент Линь Ханю не хотелось ничего: ни говорить с отцом, ни видеть мать. Ему хотелось только обнять пахнущего молоком малыша, как следует выплакаться и спрятаться с ним в том лабиринте, чтобы залечить раны.

Мир взрослых оказался настолько жестоким, что у него почти не осталось сил даже плакать.

Линь Цзинли молчал. «Я тоже соскучился», — подумал он.

Ни у кого нет сердца из камня.

Ну почему дедушка решил поехать к семье Чу именно сегодня? Да ещё и малыша с собой забрал

<http://bllate.org/book/13654/1584946>